

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-3-255-284

УДК 81'42

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ВЕРБАЛЬНАЯ ЭКЗЕМПЛИФИКАЦИЯ ТАКТИКО-СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ

Н.А. Боженкова¹, Р.К. Боженкова², А.М. Боженкова³

¹ Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
ул. Академика Волгина, 6, Москва, Россия, 117485

² Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
2-я Бауманская ул., 5, стр. 1, Москва, Россия, 105005

³ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, стр. 51, Москва, Россия, 119991

MODERN POLITICAL DISCOURSE: VERBAL EXEMPLIFICATION OF TACTICAL AND STRATEGIC PREFERENCES

N.A. Bozhenkova¹, R.K. Bozhenkova², A.M. Bozhenkova³

¹ Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia
Academician Volgin str., 6, Moscow, Russia, 117485

² Bauman Moscow State Technical University
2nd Bauman str., 5, building 1, Moscow, Russia, 105005

³ Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory, 1, p. 51, Moscow, Russia, 119991

В статье предлагается сравнительный анализ языковых конструктов, репрезентирующих корпус речевых стратегий и тактик, совокупность которых детерминирует устроенность политической коммуникации в разнокодовых лингвокультурах.

Актуальность работы обуславливается самим объектом исследования: политическое поле, являясь неотъемлемой частью этнической культуры любого общества, представляет собой сложный конгломерат идей, где обозначены цели и интересы государства и его элитарных групп. Эволюционируя на основе накопленного социумом лингвоментального материала, политика осуществляется прежде всего в процессе вербального взаимодействия, задача которого заключается в создании определенной картины мира в обществе. Соответственно, языковая деятельность человека в сфере политики есть опосредованное в знаках завоевание, осуществление и сохранение политической власти.

В этой связи вся формальная организация политического дискурса подчиняется необходимости эффективной реализации функции воздействия, инструментарием которой выступают разнообразные коммуникативные стратегии и тактики. Интенциональный «посыл» по-

литической дискурсивной практики непременно видоизменяется в акте индивидуального языкового оформления, поэтому научный интерес вызывают наиболее «значимые» фигуры политического взаимодействия (в нашем случае, главы внешнеполитических ведомств), которые во многом определяют мировоззренческую позицию различных социальных групп. Соответственно, признаковые особенности их речи можно рассматривать как доминантные характеристики национальной политической практики и считать основанием для создания типизированного коммуникативного портрета политика. Более того, производные значения, порождаемые в результате использования субъектами политической деятельности определенных речевых стратегий и тактик, на основе семантико-семиотических ассоциаций развиваются далее, постепенно переходят в смежные дискурсивные поля, устанавливая уже новые смысловые связи. Сформированные таким образом сложнейшие по структуре языковые (текстовые/дискурсивные) единицы характеризуются не только высоким экспрессивно-эмоциональным потенциалом, «многопластовым» семантическим «зарядом», но и некоторой типизированностью, что обуславливает их широкое распространение в актах политической коммуникации. Соответственно, политическая логосфера — не столько продукт деятельности общества, сколько его модификатор: она сама, пронизывая все пласты логосферы общечеловеческой, активно формирует речевую практику всех включенных в нее субъектов, их социально-иерархическую структуру и лингвоэтнический универсум в целом.

Ключевые слова: политический дискурс, интегративные и дезинтегративные коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, вербальные маркеры, лингвокультурные спецификаторы

The article proposes a comparative analysis of language constructs representing the framework of speech strategies and tactics, the totality of which determines the arrangement of political communication in different lingual cultures.

The relevance of the article is determined by the very object of research. The political field, being an integral part of the ethnic culture in any society, represents a complex conglomerate of ideas, where the goals and interests of the state and its elite groups are indicated. Evolving on the basis of linguistic material accumulated by society, the policy is implemented primarily in the process of verbal interaction which aims at forming a certain picture of the world in the society. Accordingly, a person's linguistic activity in the sphere of politics is an acquisition, exercise and preservation of political power mediated in signs.

In this regard, the entire formal organization of political discourse is subject to the need for an effective implementation of the impact function, which is instrumented by a variety of communication strategies and tactics. Intentional “message” of political discursive practice inevitably changes in the act of individual language situation. Therefore, the most “significant” figures of political interaction (in our case, the heads of foreign affairs agencies) are of scientific interest, as they largely determine the ideological position of various social groups. Accordingly, the feature characteristics of their speeches can be regarded as the dominant characteristics of national political practice and considered as basis for creating a typed communicative portrait of a political figure. Moreover, the derivative meanings generated as a result of the use of certain speech strategies and tactics by political actors, on the basis of semantic-semiotic associations, develop further and gradually pass into adjacent discursive fields establishing new semantic links. The highly complicated language (text/discursive) units structured in this way are characterized not only by the high expressive and emotional potential and the “multi-layered” semantic “message”, but also by some typification, which causes their wide distribution in the acts of political communication. Thus, the political logosphere is not so much a product of society activity as its modifier. Penetrating all layers of universal logosphere, it actively forms the speech practice of the subjects included in it, their hierarchical structure as well as the linguistic ethnic universe as a whole.

Key words: political discourse, integrative and disintegrative communicative strategies, communicative tactics, verbal markers, linguocultural specifiers

ВВЕДЕНИЕ

Политическое взаимодействие как коммуникативная сфера, основной темой и движущим мотивом которой является борьба за власть, оказалось в фокус российского научного интереса преимущественно в середине 1980-х гг., когда сосуществование политических элит перестало носить сугубо ритуальный характер и приобрело очертания одного из способов функционирования общества¹. Сегодня проблемы взаимоотношения языка и власти, языка и идеологии, роли мифа в политической коммуникации и собственно языкового манипулирования привлекают внимание все большего числа лингвистов²: во многом это объясняется тем фактом, что политика (в отличие от иных областей человеческой деятельности) обладает по сути своей дискурсивным характером и политические действия являются, как правило, действиями речевыми.

Попытки ученых дать корректное определение понятию «**политический дискурс**» привели к появлению множества дефиниций: это и «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освещенных традицией и проверенных опытом» [1. С. 8]; и «своеобразная знаковая система, в которой происходит модификация семантики и функций разных типов языковых единиц и стандартных речевых действий» [2. С. 3]; и «видовая, эксплицитно прагматичная разновидность идеологического дискурса» [3. С. 57]; и одно из направлений прикладной лингвистики, суть которого выражается формулой «дискурс = подъязык + текст + контекст» [4. С. 15]. Более того, в современном языкознании ситуация такова, что одни исследователи (А.П. Чудинов, М.М. Lazar и др.) используют термин **политический дискурс** как данный **a priori**, другие (М.Б. Паршин, Ю.С. Степанов и др.) отказываются признать за ним лингвистическое значение, третьи (А.Н. Баранов, Е.И. Шейгал, Т.А. ван Дейк, Р. Водак и др.) пользуются им как синонимичным терминам **язык политики**, **политический язык**, **политическая коммуникация**. С точки зрения авторов статьи, политический дискурс представляет собой речевую деятельность субъектов в сферах политического институционального общения, детерминированную определенной социально-ролевой иерархией и объективированную в виде совокупности текстовых единиц политической направленности во всем их жанровом и функциональном многообразии.

Политический дискурс содержит ряд конститутивных признаков (системность, прагматическую завершенность, коммуникативную определенность, отсутствие строгих структурных ограничений) и наделяется теми же функциями, что и дискурс в целом — информативной, аргументативной, персуазивной, делимитатив-

¹ См. работы Р.М. Блакара, А.Н. Баранова, О.П. Ермаковой, Б.А. Зильберта, Ю.И. Леви-на, Б.Ю. Нормана, Ю.С. Степанова и др.

² См. работы А.Г. Алтуняна, А.Н. Баранова, В.Н. Базылева, Э.В. Будаева, И.Т. Вепревой, О.И. Воробьевой, Д.Б. Гудкова, В.З. Демьянкова, В.И. Карасика, М.В. Китайгородской, Н.А. Купиной, А.В. Олянича, П.Б. Паршина, М.Р. Проскуракова, А.П. Чудинова, Е.И. Шейгал, G. Lakoff, S.R. Anderson, W.L. Benoit, T.A. van Dijk, P. Drulak, A. Mussolt, R. Wodak, Н. Ключко, Э. Лассан, L. Wee и др.

ной и групповыделительной [5]¹. К перечисленным следует добавить функции, дефинированные Д. Грейбер, — «распространение информации» (information dissemination); «определение повестки дня» (agenda setting); «проекция в прошлое и будущее» (projection to future and past) [7. С. 198]. Именно последние характеристики, расширяя свое действие в рамках политической коммуникации, определяют базисный признак политического дискурса — его использование в качестве инструмента политической власти (борьбы за власть, овладение властью, ее сохранение, осуществление, стабилизация или перераспределение).

Одна из наиболее значимых функций политического дискурса по отношению к народным массам — распространение информации о состоянии дел в политическом сообществе: люди в большинстве случаев напрямую не соприкасаются с миром политики, их знания в этой области складываются не в результате собственного опыта политического участия, а преимущественно на основе предлагаемых им вербальных «картинок». Сообщения о состоянии дел могут выступать в форме описаний, мнений, сравнений и выводов; они могут быть реализованы в самых разнообразных речевых действиях и жанрах — неформальной беседе, интервью, пресс-конференции, послании конгрессу и др. Помимо явной, эксплицитной информации, эти сообщения могут включать имплицитно-коннотативный слой информации (эмотивно-окрашенные ключевые слова, выражающие базовые политические ориентации и ценности, патриотические символы, эвфемизмы и др.). Имплицитная информация может быть также получена путем обобщения, «чтением между строк»: значимыми оказываются характеристики хронотопа вербального акта, паралингвистические компоненты и др. Соответственно, мир политического охватывает широкий диапазон явлений: в него входят политические сообщества людей; политические субъекты (агенты), институты и организации; нормативные подсистемы; традиции и ритуалы, неразрывно связанные с социальными, историческими, культурными, психологическими, идеологическими и другими факторами социума и с системой когнитивных установок адресанта; методы политической деятельности; средства информации и др. В политическом дискурсе реализуются все конституенты социального поля: они либо составляют собственно предмет общения (его референциальный аспект), либо выступают в качестве элементов прагматического контекста, либо описывают пропозициональное поле. Таким образом, описанный функционал политического дискурса, имея безусловное соотношение с базовыми функциями дискурса в целом, одновременно отличает его от других типов дискурсивного общения, что позволяет рассматривать политический дискурс как системное явление.

Кроме вопросов метаязыкового описания, в изучении политического дискурса прослеживается множество иных нерешенных проблем. Одной из них является характеристика коммуникативного поведения политиков в терминах речевого воздействия: необходимость исследования языка политических субъектов обусловлена как все более расширяющейся тенденцией «орализации» [8. С. 105],

¹ Другие исследователи выделяют контролирующую, агональную, интерпретационную функции и функцию социальной идентификации [6].

так и научной значимостью моделирования ментальных структур участников политической коммуникации. В этой связи особенно интересным представляется компаративное исследование языковых фактов, репрезентирующих речестратегические предпочтения российской/американской политической элиты.

ЦЕЛЬ

Цель предпринятого исследования заключалась в выявлении и контрастивно-сопоставительной характеристике коммуникативных стратегий и тактик субъектов современных политических дискурсивных практик, экземплифицированных различными языковыми (русской и английской) системами.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

В основу методологической концепции исследования были положены как гуманитарно-эвристические методы (регистрационный, инструментальный методы; метод моделирования; таксономическое, динамическое и объяснительное описание), так и методы языкознания и лингвокультурологии — метод формализации лингвистических описаний, контекстный и категориальный синхронный анализ, метод сегментации определенных вербальных явлений (фактов) с последующим их обобщением, абстрагированием и характеристикой лежащих в их основе этноментальных сущностей и др.

Материалом исследования послужили скрипты брифингов официальных представителей внешнеполитических ведомств России и Америки — директора Департамента информации и печати МИД России М.В. Захаровой и представителя Госдепартамента США Дж. Кёрби.

Выбор субъектов политической коммуникации был обусловлен двумя факторами: государственная внешняя политика, учитывая современную геополитическую обстановку, вызывает все больший интерес исследователей, в том числе и лингвистов; выступления официальных представителей внешнеполитических ведомств во многом формируют глобальный политический дискурс, поэтому их анализ позволяет выстроить вполне объективную картину специфики употребления различных коммуникативных стратегий и тактик в различных лингвокультурных универсумах.

Другим критерием отбора материала стала тематическая общность выступлений, однако корреляция текстовых единиц была осложнена некоторым несоответствием форматов выступлений: периодичностью проведения брифингов (в России — еженедельно, в США — ежедневно) и спецификой речевого взаимодействия — в российской политической традиции большую часть брифинга официального представителя МИД занимает монолог¹, в Соединенных Штатах же гораздо больше времени уделяется ответам на вопросы журналистов.

¹ В связи с этим авторами были отобраны такие выступления официального представителя Госдепартамента, в которых монолог представлен максимально полноценно.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проведенное сравнительно-типологическое описание вербальных конструкций, манифестирующих корпус частотных коммуникативных стратегий и тактик современных идиополитических дискурсивных актов, не только представляет собой некую модель лингвокультурной устроенности национального российского и американского политического дискурса (см. далее таблицу), но и может служить основанием для создания типизированного коммуникативного портрета российского/американского политика. Вместе с тем, сравнение доминантных признаков использования в идентичных ситуациях определенных коммуникативных стратегий и тактик лицами, исполняющими аналогичные социальные роли (согласно их участию в политической жизни), позволило рассмотреть вербальную коммуникацию в определенном социально-психологическом контексте и выявить некоторые общие характеристики российского и американского политических дискурсов, наличие которых объясняется структурой, функциями и другими особенностями политической коммуникации в целом.

ОБСУЖДЕНИЕ

Политический дискурс как инвариант институционального типа общения должен, в отличие от персонального типа, использовать специфическую систему профессионально-ориентированных знаков, т.е. обладать собственным, уникальным подязыком (лексикой, фразеологией и паремиологией). Согласно концепции В.З. Демьянкова [9], специфика языка политики обусловлена следующим: отмечается частотное использование своеобразных речевых приемов; расширен тезаурус прецедентных текстов и высказываний; политическая лексика терминологична, а общеупотребительные языковые знаки маркированы по отношению к обычному языку; индивидуализированная структура политического дискурса опирается на оригинальное звуковое или письменное оформление.

Вместе с тем некоторые ученые отказывают политическому дискурсу в уникальности и специфичности, подчеркивая, что языковые черты его своеобразия немногочисленны и не так просто поддаются процедуре идентификации, а лексические и грамматические особенности политического дискурса, позволяющие рассматривать его как специфическое явление, «не выходят за рамки соответствующих идиоэтнических языков» [10. С. 193].

Масштабная деспециализация в политической коммуникации связана с тем, что политика — единственная профессиональная сфера, общение в которой ориентировано на массового адресата. Политическая коммуникация не просто опосредована средствами массовой информации, СМИ являются основной средой ее существования, вследствие чего язык политики оказывается лишенным свойства корпоративности, присущего любому специальному языку [4. С. 30]. Так, П.Б. Паршин под языком политики подразумевает вовсе не язык или, по меньшей мере, не только язык. По его словам, предметом политической коммуникации является, скорее, идиополитический дискурс, т.е. «своеобразие того, что, как, кому и о чем говорит тот или иной субъект политического действия» [10. С. 194], предназначение которого не просто «описать (т.е. не референция), а убедить, пробудив

в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [9. С. 118]. Именно поэтому эффективность политического дискурса определяется адекватным планированием коммуникативного поведения автора и умелой реализацией данного плана путем использования различных речевых стратегий и тактик, реализующих воздействующий потенциал естественного языка на интеллектуальную и эмоционально-волевою сферу адресата.

Предлагаемые сегодня в политической лингвистике кадастры коммуникативных стратегий и тактик (далее КС и КТ соответственно), несмотря на единодушные исследователей в признании основной функции политического взаимодействия, вариативны: выделяют КС вуалирования, КС деперсонализации и КС мистификации [2]; КС реификации, КС делегитимизации и КС амальгамирования («мы»-дискурс) [11]; варьирующую, аддитивную и интродуктивную КС [12]; многообразии инвективных КС [13; 14]; аргументативные и манипулятивные КС [15] и др.

Бесспорно, классификация вербальных конструкций, манифестирующих те или иные КС, может базироваться на любом (или нескольких одновременно) из внушительного множества критериев, явно вычленяемых в качестве категориальных признаков императивно-политических актов: механизмы организации; языковой уровень структурных компонентов; частотность реализации вербальных единиц данной направленности; интонационная обусловленность их семантического плана; жанровая принадлежность и композиционная оформленность дискурсивной практики; количество объектов акта коммуникации (массовая или индивидуальная направленность) и др. Однако думается, детерминирующим признаком следует обозначить фактор осознанности автором — рефлексированности — построения и употребления оценочно-манипулятивной языковой конструкции, поскольку в данном случае мы имеем дело со строго организованным иллокутивным актом, реализующим определенные интенции.

В этой связи для построения собственной таксономии в качестве главной антиномии было принято базисное для политики в целом прагматическое основание — настроенность коммуникантов на сотрудничество¹. Результатом стало деление всех КС на **интегративные** и **дизинтегративные**, в рамках которых коммуникативные тактики группировались тематически, т.е. в соответствии с той коммуникативной целью, на достижение которой они направлены. В корпус интегративных вошли 6 КС (КС вежливости, сотрудничества, аргументации, компромисса, эмоционально настраивающая и информативная КС), в корпус дезинтегративных — 5 КС (КС контроля над инициативой, самопрезентации, побуждающая, манипулятивная и конфронтационная КС), общее число коммуникативных тактик — 55 единиц (27 и 28 КТ соответственно, см. таблицу).

Предложенная классификация стала базой для лингвопрагматического анализа вербальных формул², организующих идиополитический дискурс современной внешней политики.

¹ Здесь авторы разделяют позицию И.В. Певневой [16].

² Объем данной статьи не позволяет привести примеры реализации всех КТ, поэтому авторы представили наиболее часто реализуемые в выступлениях М.В. Захаровой и Дж. Кёрби.

Таблица

Сопоставительная характеристика коммуникативных стратегий и тактик М.В. Захаровой и Дж. Кёрби

		Коммуникативные стратегии										
		Интегративные коммуникативные стратегии					Дезинтегративные коммуникативные стратегии					
Стратегия вежливости	Стратегия настраивающая	Стратегия сотрудничества	Информативная стратегия	Стратегия компромисса	Стратегия аргументации	Манипулятивная стратегия	Конфронтационная стратегия	Стратегия контроля над инициативой	Стратегия саморегуляции	Побуждающая стратегия		
тактика извинения (МЗ)	тактика комплимента (МЗ/ДК)	тактика демонстрации участия (МЗ/ДК)	тактика запроса информации (МЗ/ДК)	тактика согласия (МЗ/ДК)	тактика генерализации (МЗ/ДК)	тактика смены фокуса внимания (МЗ/ДК)	тактика замечания (МЗ/ДК)	тактика выбора предмета речи (МЗ/ДК)	тактика демонстрации компетентности (МЗ/ДК)	тактика побуждающая		
тактика благодарности (МЗ)	тактика юмора	тактика предложения решения (МЗ/ДК)	тактика прямого ответа (МЗ/ДК)	тактика компромиссного ответа (ДК)	тактика проведения аналогии (МЗ/ДК)	тактика отрицания (МЗ/ДК)	тактика упрека (МЗ)	тактика отказа от действия (МЗ/ДК)	тактика позитивной характеристики (МЗ)	тактика обращения		
тактика использования косвенных речевых актов	тактика похвалы	тактика общения	тактика каузации (МЗ/ДК)	тактика внимания	тактика приведения примера (МЗ/ДК)	тактика полуправды	тактика проявления неуважения (МЗ)	тактика установки контакта (МЗ/ДК)	тактика самовосхваления (ДК)	тактика совета (МЗ)		
тактика поздравления	тактика проявления сочувствия (МЗ/ДК)	тактика предложения сотрудничества (МЗ)	тактика информирования (МЗ/ДК)	тактика противопоставления (МЗ)	тактика абсолютизации (ДК)	тактика осуждения (МЗ/ДК)	тактика осуждения неуважения (МЗ/ДК)	тактика поддержания контакта (МЗ/ДК)	тактика призыва (МЗ/ДК)	тактика требования (МЗ)		
					тактика ссылки на авторитет (МЗ/ДК)	тактика убеждения	тактика обвинения (МЗ/ДК)	тактика прекращения контакта (МЗ/ДК)				
					тактика описания позитивной перспективы (МЗ/ДК)	тактика оценивания (МЗ/ДК)	тактика угрозы (ДК)					
					тактика посылной мотивации		тактика насмешки (МЗ)					
							тактика иронии (МЗ)					
							тактика сарказма (МЗ)					

Интегративные КС

1. КС вежливости:

— КТ извинения:

МЗ¹ — «Еще раз прошу прощения за лирику»; «Извините, что так подробно, но это очень важно»;

ДК — примеры реализации отсутствуют.

— КТ благодарности:

МЗ — «Мы очень за это благодарны и прекрасно понимаем, что во многом, идя на такой внутренний и профессиональный подвиг, вы рассчитываете на защиту со стороны внешнеполитического ведомства»;

ДК — примеры реализации отсутствуют.

2. Эмоционально настраивающая КС:

— КТ комплимента:

МЗ — «Он Посол с большой буквы и человек, который не только по долгу службы, но и по-человечески радеет за российско-армянские отношения, их развитие и то, чтобы они всегда развивались в интересах народов двух стран»;

ДК — «... to provide a more secure environment for all of its citizens, one that nurtures the spirit of the people of Bangladesh and the pride with which they guard their own traditions of tolerance, peace, and diversity» / ... обеспечить более безопасную обстановку для всех его граждан, которая воспитывает дух жителей Бангладеш и достоинство, с которым они сохраняют традиции терпимости, мира и поликультурности.

— КТ проявления сочувствия:

МЗ — «Хотела бы выразить искренние соболезнования странам и народам, которых напрямую коснулась эта трагедия»;

ДК — «We share in the grief that they have had to endure» / Мы разделяем то горе, которое им пришлось испытать.

3. КС сотрудничества:

— КТ демонстрации участия:

МЗ — «Вопрос о возможной медицинской эвакуации прорабатывается между российскими и египетскими специалистами. От их решения зависят сроки возвращения девочки в Россию. Работа ведется»;

ДК — «That is exactly the message that the Secretary sends when he speaks to foreign leaders about freedom of expression issues and press freedom issues» / Именно это послание шлет госсекретарь, когда беседует с иностранными лидерами об ограничении свободы самовыражения и свободы прессы.

— КТ предложения решения:

МЗ — «Убеждены, что движение к миру и стабильности в Северо-Восточной Азии должно носить взаимный, встречный характер и осуществляться при деятельном участии всех сторон, присутствующих в регионе. Такой подход, о чем мы неоднократно говорили, позволил бы создать предпосылки для нормализации двусторонних отношений КНДР с Китаем, США и Японией, перейти к практической ра-

¹ Здесь и далее: МЗ — высказывания М.В. Захаровой (цитаты приведены по работам [17; 18]); ДК — Дж. Кёрби (цитаты приведены по работам [19–21]).

боте по формированию многосторонних механизмов обеспечения безопасности и сотрудничества в данном регионе на равной и недискриминационной для всех участников основе»;

ДК — «... good governance. We've said that many, many times. That's the way to sustain a defeat of Daesh» / ... хорошее руководство. Мы говорили об этом много, много раз. Только так можно победить ИГИЛ.

— КТ предложения сотрудничества:

МЗ — «Российская сторона неизменно готова к самому тесному взаимодействию со всеми заинтересованными государствами в интересах обеспечения мира и стабильности в этом регионе, достижения политико-дипломатического урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова»;

ДК — примеры реализации отсутствуют.

4. Информативная КС:

— КТ прямого ответа:

МЗ — «Нет, не могла бы»;

ДК — «So if you're asking me can they, absolutely they can» / Так что если Вы спрашиваете меня, могут ли они — да, абсолютно.

— КТ каузации:

МЗ — «Задержки в движении ооновских конвоев вызваны, по большей части, обстрелами со стороны незаконных вооруженных формирований и опасениями в этой связи за жизни ооновского персонала»;

ДК — «... we also ... know that Iran is a state sponsor of terrorism and that they have continued to support this particular group which is a designated foreign terrorist organization. And that is exactly why ... he raised very specifically our continued concerns about what Iran is doing in the region» / ... мы также знаем, что Иран спонсирует терроризм и продолжает поддерживать определенную группу, признанную иностранной террористической организацией. И именно поэтому ... он явно обозначил наши давние опасения по поводу деятельности Ирана в регионе.

— КТ информирования:

МЗ — «12 мая террористы из «Джабхат ан-Нусры» и союзных им формирований напали на алавитскую деревню Зара в провинции Хама. Возможно вы знаете, что они устроили массовую резню, не щадили ни детей, ни женщин, ни стариков. По различным данным, в Заре были убиты или замучены до смерти от 70 до 100 мирных жителей. Многие женщины и молодые девушки были похищены, уведены в рабство»;

ДК — «The U.S. and our coalition partners conducted another 59 airstrikes and six artillery strikes against Daesh targets in northern Iraq and Anbar province just over this weekend» / На этих выходных США и наши партнеры по коалиции совершили еще 59 авиаударов и 6 артиллерийских ударов по объектам ИГИЛ в северном Ираке и провинции Анбар.

— КТ переадресации:

МЗ — «... с ним можно ознакомиться на официальном сайте МИД России»;

ДК — «That's really for Prime Minister Modi and his staff to speak to» / Об этом следует спросить премьер-министра Моди и его представителей.

5. КС компромисса:

— КТ согласия:

МЗ — «Как Вы правильно сказали о сути встречи, речь идет о продолжении обсуждения вопроса, который стоит на повестке двусторонних отношений»; **ДК** — «*I recognize that*» / Я признаю это; «*We fully agree*» / Мы полностью согласны.

— КТ компромиссного ответа:

МЗ — примеры реализации отсутствуют;

ДК — «*I would just say that I don't think you're going to see the Secretary — the Secretary's interest or energy diminished at all for as long as he is Secretary of State with respect to trying to get to a two-state solution*» / Я бы сказал так: не думаю, что госсекретарь... Что его заинтересованность и энтузиазм в решении данного вопроса уменьшится, пока он руководит Госдепартаментом.

6. КС аргументации:

— КТ генерализации:

МЗ — «... мы и весь мир, безусловно, вовлечены в то, что сейчас происходит на Украине»;

ДК — «*It's that important to us. It's that important to the region, certainly to many other nations around the world*» / Это важно для нас. Это важно для региона; конечно, и для многих других народов во всем мире.

— КТ проведения аналогии:

МЗ — «Мы видим на примере ряда стран, как во многом подорванную ситуацию с взаимным доверием сложно восстановить и поднять на прежний уровень»;

ДК — «*And look, I mean, even here in the United States there's political tensions, right?*» / Взгляните, даже здесь, в Соединенных Штатах, есть политическая напряженность, верно?

— КТ приведения примера:

МЗ — «... созывалась большая конференция в Москве»; «... например, европейские структуры»;

ДК — «... *you remember back when the cessation was first agreed to after Munich, we saw a dramatic decrease in attacks on civilians and on the opposition*» / вспомните: когда прекращение огня было впервые согласовано после Мюнхена, мы наблюдали значительное снижение атак на мирное население и оппозицию.

— КТ противопоставления:

МЗ — «Достаточно вспомнить, как на протяжении многих лет нас убеждали, что вступление в НАТО государств Восточной Европы и Прибалтики улучшит наши двусторонние отношения, избавит их от фобий «тяжелого исторического наследия» и создаст в альянсе «пояс» дружественных России стран. На деле же расширение блока лишь обострило синдром «прифронтовых государств»;

ДК — примеры реализации отсутствуют.

— КТ ссылки на авторитет:

МЗ — «Официальные представители, занимающиеся вопросами военно-технического сотрудничества (ВТС) дали четкие и абсолютно исчерпывающие формулировки»;

ДК — «*And then I'd point you back to what the President said during his visit to India in 2015, where he reaffirmed that the U.S. view was that India, quote, "meets missile technology control regime requirements and is ready for NSG membership."*» / И тогда я напомним, что во время своего визита в Индию в 2015 году президент подтвердил, что Индия,

по мнению США, цитирую: «отвечает требованиям режима контроля за ракетными технологиями и готова к членству в Группе ядерных поставщиков.

— КТ описания позитивной перспективы:

МЗ — «Это позволит вновь созданным единым органам государственной власти начать полноценно функционировать, в том числе приступить к наведению порядка и восстановлению законности в стране, в первую очередь, нейтрализовать активность террористов, которые присутствуют в большом количестве на территории Ливии»;

ДК — «... the members of the ISSG would work together and in unison to help create the conditions for which — or under which those airdrops can be successful» / ... члены МГПС будут работать вместе и сообща, чтобы создать условия, при которых поставки будут успешными.

Дезинтегративные КС

1. Манипулятивная КС:

— КТ смены фокуса внимания:

МЗ — «Если Вы позволите, я немного переформулирую Ваш вопрос и отвечу, как мы вообще видим урегулирование нагорно-карабахской проблематики»;

ДК — «These are decisions that the — this is a French initiative and decisions that the French are taking» / Это решения, которые... Это французская инициатива, и французы принимают эти решения.

— КТ отрицания:

МЗ — «Вы очень заблуждаетесь, когда говорите, что с этим не возникает проблем. Проблемы возникают и с этим»;

ДК — «I know we don't believe that Pakistan hates the United States. Pakistan is a partner here in the effort to go after extremists there in the region» / Я знаю, что мы не считаем, что Пакистан ненавидит Соединенные Штаты. Пакистан в данном случае — наш партнер в борьбе с экстремизмом в том регионе.

— КТ абсолютизации:

МЗ — примеры реализации отсутствуют;

ДК — «... nobody's arguing that the political process hasn't struggled» / ... никто не спорит с тем, что политический процесс проходит с трудом.

— КТ оценивания:

МЗ — «Можем констатировать, что вызывает удовлетворение то, что тревожные прогнозы о возможных нарушениях резолюций СБ ООН со стороны КНДР в период проведения 7-го съезда Трудовой партии Кореи не оправдались»;

ДК — «It was a positive meeting and a step in the right direction» / Это была позитивная встреча, которая стала шагом в правильном направлении; «And they do that job masterfully and very competently» / И они выполняют эту работу профессионально и компетентно.

2. Конфронтационная КС:

— КТ замечания:

МЗ — «Полагаем, что необоснованная и политически ангажированная критика в адрес России не подходит уровню ООН»; «К сожалению, Вы невнимательно про-

читали то, что сказал Министр иностранных дел России С.В. Лавров в интервью шведской газете “Дагенс Нюхетер”»;

ДК — «... *it hasn't always been evident that they have been willing to use that influence in the most constructive way*» / ... не всегда было очевидно, что они настроены использовать это влияние самым конструктивным образом.

— КТ упрека:

МЗ — «Рекомендации и замечания на этот счет со стороны многочисленных международных правозащитных структур и институтов УВКПЧ предпочитало все эти годы не замечать»; «Вы должны знать, что этот город назывался никак не Днепр, а Екатеринослав»;

ДК — примеры реализации отсутствуют.

— КТ осуждения:

МЗ — «По их словам, сегодня Анкара «показывает всему миру пример того, как следует обращаться с беженцами» (вы знаете, так с беженцами не следует обращаться) и «открывает перед ними новые возможности и новые перспективы». Ни одному человеку не пожелаешь таких перспектив»;

ДК — «... *the United States strongly condemns the barbaric terrorist attacks in Iraq today that deliberately and specifically targeted civilians*» / ... Соединенные Штаты резко осуждают варварские террористические атаки в Ираке, нацеленные на мирное население.

— КТ обвинения:

МЗ — «Фактически Анкара расписывается в нежелании брать на себя часть вины за произошедшее с учетом того, что именно ее вероломные и подлые действия привели к уничтожению самолета и тем самым стали причиной гибели российского пилота»;

ДК — «*And it is in keeping with what we've seen as a pattern out of the regime to target innocent people*» / И это соотносится с тем, что мы видим: режим нацелен против невинных жителей.

— КТ угрозы:

МЗ — примеры реализации отсутствуют;

ДК — «... *there's going to be a limit to the international community's patience for persistent and consistent violations of the cessation*» / ... международное сообщество не будет вечно терпеть постоянные и последовательные нарушения режима прекращения огня.

— КТ насмешки:

МЗ — «Это необходимо знать, иначе вы просто выглядите глупо и кажетесь какими-то “зомбированными неучами”»; «Честно говоря, после таких решений, которые абсолютно оторваны от каких-то исторических реалий, я начала переживать за возможность сокращения и других названий — Херсон, Запорожье и Саакашвили»;

ДК — примеры реализации отсутствуют.

— КТ иронии:

МЗ — «Ведь эти самые депутаты, как они себя называют...»; «... назовем ее “новой украинской демократией”»;

ДК — примеры реализации отсутствуют.

— КТ сарказма:

МЗ — «То есть 20 лет никакой проблемы крымско-татарского народа не было. Она появилась только сейчас»; «В чем заключается суть вопроса? Когда журналисты

говорят о сайте «Миротворец», мне кажется, нам всем давно пора добавлять к этому названию хотя бы «так называемый» “Миротворец”».

ДК — примеры реализации данной КТ отсутствуют.

3. КС контроля над инициативой:

— КТ выбора предмета речи:

МЗ — «Начнем с действительно важного»; «Позвольте мне лирическое отступление»;

ДК — «Are we on Syria? I want to stay on Syria right now» / Мы сейчас говорим о Сирии? Я хочу сейчас остановиться на Сирии.

— КТ отказа от действия:

МЗ — «Полноформатно мы говорить об этом не можем, потому что речь идет о персональных данных и, тем более, о ребенке»;

ДК — «... I'm really not at liberty to discuss this» / ... правда, я не уполномочен говорить об этом.

— КТ установки и поддержания контакта:

МЗ — «... готова ответить на ваши вопросы, если они есть»; «Да, пожалуйста»;

ДК — «Happy Friday!» / Хороших выходных!; «I'm in favor of it» / Полностью поддерживаю.

— КТ прекращения контакта:

МЗ — «Увидимся в Сочи»;

ДК — «Gotta go, thank you» / Мне пора, спасибо.

4. КС самопрезентации:

— КТ демонстрации компетентности:

МЗ — «Нам известно, что на Тайване прошли выборы, а завтра состоится церемония вступления в должность нового руководства местной администрации»;

ДК — «I've seen reporting on that» / Я видел сообщения об этом; «I'm aware...» / Я осведомлен...

— КТ позитивной характеристики:

МЗ — «Мы действуем открыто. Главное, что составляет суть российского подхода — открытость и логика»; «Мы не подходим к этому вопросу с позиции двойных стандартов и обосновываем нашу позицию в том и другом случае»;

ДК — примеры реализации отсутствуют.

— КТ самовосхваления:

МЗ — примеры реализации данной КТ отсутствуют;

ДК — «I say this as not just the spokesman for the department, but the assistant secretary of state for public affairs» / Я говорю это не просто как официальный представитель департамента, а как помощник госсекретаря по связям с общественностью.

5. Побуждающая КС:

— КТ совета:

МЗ — «Мы Вам очень рекомендуем делать их достоянием гласности, потому что это чрезвычайно важно»;

ДК — примеры реализации отсутствуют.

— КТ призыва:

МЗ — «В свете катастрофических последствий военной операции для населения еще раз призываем официальную Анкару как можно скорее вернуться к мирным способам урегулирования курдского вопроса».

ДК — «... *any reconciled group must end the violence, break associations with international terrorism, and accept Afghanistan's constitution*» / ... *любая готовая к перемирию группа должна прекратить насилие, разорвать связи с международным терроризмом и признать конституцию Афганистана*;

— КТ требования:

МЗ — «*Также настоятельно требуем и активно работаем в направлении перекрытия остающихся каналов финансирования этих группировок*»;

ДК — примеры реализации отсутствуют.

Проведенный лингвопрагматический анализ позволяет сформулировать ряд положений, характеризующих общность/специфичность организации политических дискурсивных практик в русскоязычной и англоязычной (американской) лингвокультуре (см. таблицу). Так, в качестве маркеров-идентификаторов назовем следующие: многообразие используемых КТ в рамках каждой КС; явную речетактическую насыщенность интегративной КС аргументации (7 КТ) и дезинтегративной КС конфронтации (9 КТ); тяготение агентов внешнеполитических ведомств к использованию КТ ссылки на авторитет (КС аргументации) и КТ каузации (информирующая КС). Вместе с тем, при вполне соотносимой общей картине наличествуют некие тактико-стратегические предпочтения речевого «обрамления» акта коммуникации: в выступлениях Дж. Кёрби манипулятивная КС представлена большим количеством КТ (по сравнению с М.В. Захаровой, в высказываниях которой отсутствует КТ абсолютизации); КТ переадресации (информативная КС) и КТ отказа от действия (КС контроля над инициативой) характеризуются высокой частотностью использования соответствующих вербальных конструкций; речевые формулы КТ благодарности и КТ извинения (КС вежливости) не обнаружались, но явно вычленяется КТ самовосхваления как разновидность КС самопрезентации (отсутствующая у представителя МИД РФ)¹. Напротив, в речи М.В. Захаровой наблюдается большее разнообразие КТ при реализации побуждающей КС (КТ совета и КТ требования, не используемые Дж. Кёрби); в КС аргументации включается КТ противопоставления (как «мягкий вариант» демонстрации правильности идеологических позиций и установок МИД РФ); КС сотрудничества не только обширнее в вербальном воплощении, но и закрепляется использованием КТ предложения сотрудничества, отсутствующей у представителя Госдепартамента США.

Самым интересным (и значимым для компаративного описания) можно считать очевидное расхождение в способах экземплификации конфронтационной КС: высказывания официального представителя МИД России реализуют 7 различных КТ, включая градуированные виды речевых острот — открытая насмешка, ироническое замечание и язвительный сарказм (при этом отсутствует КТ угрозы), тогда как в выступлениях Дж. Кёрби наиболее частотными являются КТ осуждения, КТ обвинения, КТ угрозы и не выявляются КТ со значением упрека или осмеяния. Очевидно, что одинаковое именование данной КС (как, впрочем,

¹ Причем официальный представитель Госдепартамента использует такую КТ не только для возвеличивания своей страны, но и для самооценки, нарушая тем самым институциональность коммуникации.

и любой иной коммуникативной стратегии) не свидетельствует о ее идентичном семасиологическом воплощении в разнокодовых политических дискурсивных практиках. Соответственно, можно утверждать, что весь корпус интегративных и дезинтегративных коммуникативных стратегий и тактик в той или иной степени коррелирует с этноментальными установками универсума и не может истолковываться в единой «цельнополитической» системе координат. Более того, только выявление и описание сущностных особенностей лингво- и этнокультурных доминант разнообразнейших политических актов позволит определить устойчивые глубинные характеристики дискурсивного взаимодействия в рамках политического института в современном полилингвальном пространстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политический дискурс как вид социальной коммуникации, бесспорно, в полной мере манифестирует культуру отдельного общества с его идеологическими установками, аксиологическими знаками, ментальными символами и др.: не случайно язык политики сегодня экстраполируется в бытийное и бытовое общение самых широких масс граждан. Причинами данного явления можно назвать различные факты современной общественной жизни: от интраязыковых — количественного и качественного усложнения сфер речевой коммуникации (в первую очередь, Интернета, специфика которого детерминирует создание новых видов текста и дискурса); расширения нормативных границ языка массовой коммуникации (вследствие разнообразия форм речевого поведения отдельных социальных групп); демократизации публицистического стиля (обусловленной широкой «миграцией» языковых конститuentов и некоей данью речевой моде) — до экстраязыковых — нестабильности мировой экономической сферы; глобализации и интеграции лингвокультурных составляющих каждого этноса, имеющих не только позитивные, но и внушительный ряд негативных аспектов; снижение образовательного уровня членов общества и др. Но главным фактором, безусловно, является значительное влияние субъектов политической деятельности на психологическую (и даже психическую) организацию конкретной личности, осуществляемое посредством умелого использования КС и КТ. Порождаемые в результате использования определенных стратегий и тактик производные значения на основе семантико-семиотических ассоциаций развиваются далее, постепенно переходят в смежные дискурсивные поля и, устанавливая новые смысловые связи, формируют сложнейшую по структуре текстовую/дискурсивную единицу, имеющую «многопластовый» семантический «заряд» и высочайший экспрессивно-эмоциональный потенциал.

Таким образом, политическая логосфера — не столько продукт деятельности общества, сколько его модификатор: она сама, пронизывая все пласты общечеловеческой логосферы, активно формирует речевую практику всех включенных в нее субъектов, их социально-иерархическую структуру и лингвоэтнический универсум в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991. 42 с.
- [2] Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 386 с.
- [3] Сорокин Ю.А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России. М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. С. 57–62.
- [4] Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2001. 175 с.
- [5] Желтухина М.Р. Волюнтаривная функция комического в политическом дискурсе // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 71–79.
- [6] Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дисс. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005. 315 с.
- [7] Graber D. Political Languages // Handbook of Political Communication. Beverly Hills, London: Sage Publications, 1981. P. 195–224.
- [8] Стернин И.А. Социальные факторы и публицистический дискурс // Массовая культура на рубеже XX–XXI вв.: Человек и его дискурс. М.: Азбуковник, 2003. С. 91–108.
- [9] Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 116–133.
- [10] Паршин П.Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики / Ин-т языкознания РАН. М.: Азбуковник, 2001. С. 181–207.
- [11] Фелинский А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук Тверь, 2002. 20 с.
- [12] Иванова Ю.М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 19 с.
- [13] Боженкова Н.А. К вопросу о категориальных единицах современной политической логосферы // Русский язык и культура: проблемы преподавания в вузах Российской Федерации: материалы научно-практического семинара. Курск, 2008. С. 4–9.
- [14] Иссерс О.С. Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу // Вестник Омского университета. Омск, 1996. Вып. 1. С. 71–74.
- [15] Гайкова О.В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации (на материале англ. яз.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 19 с.
- [16] Певнева И.В. Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогического дискурсов русской и американской лингвокультур: дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 206 с.
- [17] Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Москва, 12 мая 2016 года [Электронный ресурс] // МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/press_service/spokesman/briefings//asset_publisher/D2wHaWMCU6 Od/content/id/2276895
- [18] Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Сочи, 19 мая 2016 года [Электронный ресурс] // МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/press_service/spokesman/briefings//asset_publisher/D2wHaWMCU6 Od/content/id/2287934
- [19] John Kirby, Spokesperson, Daily Press Briefing, Washington, DC, May 2, 2016 [Digital resource] // U.S. Department of State. Access mode: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/05/256786.htm>
- [20] John Kirby, Spokesperson, Daily Press Briefing, Washington, DC, May 13, 2016 [Digital resource] // U.S. Department of State. Access mode: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/05/257185.htm>
- [21] John Kirby, Spokesperson, Daily Press Briefing, Washington, DC, May 17, 2016 [Digital resource] // U.S. Department of State. Access mode: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/05/257315.htm>

© Боженкова Н.А., Боженкова Р.К., Боженкова А.М., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15.03.2017

Дата принятия к печати: 02.04.2017

Для цитирования:

Боженкова Н.А., Боженкова Р.К., Боженкова А.М. Современный политический дискурс: вербальная экземплификация тактико-стратегических предпочтений // *Вестник Российской государственной академии дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания.* 2017. Т. 15. № 3. С. 255—284. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-3-255-284

Сведения об авторах:

Боженкова Раиса Константиновна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка МГТУ им. Н.Э. Баумана. *Сфера научных интересов:* лингвокультурология, общая теория дискурса, лингвистическая герменевтика, семантика, межкультурная коммуникация, фонетика и акцентология, стилистика, риторика, культура русской речи, лингвистические и методические аспекты РКИ. Автор более 300 научных публикаций. *Контактная информация:* электронный адрес: rkbozhenkova@mail.ru

Боженкова Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания ГИРЯ им. А.С. Пушкина. *Сфера научных интересов:* лингвистика текста, общая теория дискурса, психолингвистика, лингвокультурология, политическая лингвистика, социолингвистика и межкультурная коммуникация, стилистика, риторика, культура русской речи, лингвистические и методические аспекты русского языка в иноязычной аудитории (РКИ), русского языка и литературы в русской аудитории и др. Автор более 350 научных публикаций. *Контактная информация:* электронный адрес: natalyach@mail.ru

Боженкова Александра Михайловна, магистрант филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. *Сфера научных интересов:* политическая лингвистика, лингвокультурология, межкультурная коммуникация, перевод и переводоведение. Автор 20 научных публикаций. *Контактная информация:* электронный адрес: alexandra2911@mail.ru

ENG

INTRODUCTION

Political interaction as a communicative sphere, with struggle for power being its main theme and motive, became the focus of Russian scientific interest mainly in the mid-1980s. At that time, the coexistence of political elites ceased to be of a purely ritual character and transformed into one of the ways of society functioning¹. Today, the issues of correlation between language and power, language and ideology, the role of myth in political communication and language manipulation attract the attention of an increasing

¹ See R.M. Blakar, A.N. Baranov, O.P. Yermakova, B.A. Zilbert, Y.I. Levin, B.Y. Norman, Y.S. Stepanov and others.

number of linguists¹. This is largely due to the fact that politics (in contrast to other areas of human activity) has an inherently discursive character, while political actions are, as a rule, actions of speech.

Numerous attempts to give a correct definition to the concept of “**political discourse**” led to the emergence of multiple definitions. Thus, it can be defined as “the totality of all speech acts used in political discussions, as well as rules of public policy, documented by tradition and tested by experience” [1. P. 8], “a peculiar sign system in which the semantics and functions of diverse linguistic units and standard speech actions are modified” [2. P. 3], “a specific and explicitly pragmatic version of ideological discourse” [3. P. 57], or “one of the trends within applied linguistics, with the essence expressed by the formula “discourse = sublanguage + text + context” [4. P. 15]. Besides, in modern linguistics some researchers (A.P. Chudinov, M.M. Lazar, etc.) use the term “**political discourse**” as given **a priori**, while others (P.B. Parshin, Y.S. Stepanov, etc.) refuse to recognize its linguistic meaning, and still others (A.N. Baranov, Y.I. Sheigal, T.A. van Dyke, R. Vodak, etc.) use it as synonymous with the terms “**the language of politics**”, “**political language**”, “**political communication**”. From our point of view, political discourse represents speech activity in the spheres of political institutional communication determined by a certain social and role hierarchy and objectified in the form of politically oriented text units in their entire genre and functional diversity.

Political discourse has a number of constitutive features (systemic structure, pragmatic completeness, communicative certainty, absence of strict structural limitations) and is endowed with the same functions as discourse in general. These are namely informative, argumentative, persuasive, delimitative and classifying² functions [5]. To the listed functions, one should add those defined by D. Graber: “information dissemination”; “agenda setting”; “projection into future and past” [7. P. 198]. The latter characteristics, expanding their effect in the framework of political communication, determine the basic feature of political discourse, namely its application as an instrument of political power (struggle for power, mastery of power, its preservation, implementation, stabilization or redistribution).

One of the most important functions of political discourse in connection with the masses is to distribute information on the state of affairs in the political community. In most cases, people do not have direct access to the world of politics and their awareness in this area isn’t based on their own experience of political participation, but on the verbal “pictures” presented to them. These reports about current the state of affairs can acquire various formats: descriptions, opinions, comparisons and conclusions. They can be implemented in a wide variety of speech actions and genres, therein informal conversation, interviews, press conferences, messages to the congress, etc. Beside apparent, or explicit information, these messages may include an implicit-connotative informational level (emotive-coloured keywords which express basic political orientations and values, patriotic

¹ See A.G. Altunyan, A.N. Baranov, V.N. Bazylev, E.V. Budaev, I.T. Vepreva, I.O. Vorobyova, D.B. Gudkov, V.Z. Demyankov, V.I. Karasik, M.V. Kitaigorodskaya, N.A. Kupina, A.V. Olyanich, P.B. Parshin, M.R. Proskuryakov, A.P. Chudinov, Y.I. Sheigal, G. Lakoff, S.R. Anderson, W.L. Benoit, T.A. var Dijk, P. Drulak, A. Mussolt, R. Wodak, H. Клочко, E. Lassar, L. Wee and others.

² Other researchers, however, identify controlling, agonal, interpretative functions and the function of social identification [6].

symbols, euphemisms, etc.). Implicit information can be also conveyed through generalization, or “reading between the lines” tactics. Thus, the chronotope of a verbal act and paralinguistic components gain particular importance. Accordingly, the political world covers a wide range of phenomena. It includes political communities; political actors (agents), institutions and organizations; normative subsystems; traditions and rituals inextricably linked with the social, historical, cultural, psychological, ideological and other factors of society as well as with the cognitive system of the addressee; methods of political activity; media, etc. In the political discourse, all constituents of the social field are actualized. They can constitute the subject of communication (its referential aspect), act as elements of a pragmatic context, or describe a propositional field. Thus, the described set of functions of the political discourse, having an unconditional relationship with the basic functions of the discourse as a whole, distinguishes it from other types of discursive communication, which allows us to consider political discourse as a systemic phenomenon.

Beside the issues of the metalanguage description, a number of other unresolved problems are traced in the study of political discourse. One of them is characterizing politicians’ communicative behaviour in terms of speech impact: the need to study the language of political subjects is determined by both the increasingly expanding trend of “oralization” [8. P. 105] and the scientific significance of simulating mental structures of political communication participants. In this connection, a comparative study of linguistic facts representing strategic preferences of the Russian / American political elite is particularly interesting.

PURPOSE

The purpose of the research was to identify, compare and characterize subjects’ communicative strategies and tactics within contemporary political discursive practices, exemplified by various linguistic (Russian and English) systems.

METHODS AND MATERIALS

The methodological concept of the research was based on both humanitarian and heuristic methods (registration and instrumental methods, modeling method, taxonomic, dynamic and explanatory description), and methods of linguistics and linguoculturology, namely formalizing linguistic descriptions, contextual and categorical synchronous analysis, segmentation of verbal phenomena (facts) with their subsequent generalization, abstraction and characterization of underlying ethnic and mental essences, etc.

The material of the study was the scripts of briefings by the official representatives of the foreign policy departments in Russia and the US — the Director General of the Information and Press Department of the Russian Foreign Ministry, M. Zakharova, and US Department of State spokesman J. Kirby.

The choice of subjects of political communication was determined by two factors. The state foreign policy, taking into account the modern geopolitical situation, is attracting increasing interest of researchers, including linguists. The speeches of official representatives of foreign policy departments in many ways form a global political discourse, so their

analysis enables us to build a completely objective impression of the specifics of the use of various communicative strategies and tactics in various linguistic cultural universes.

Another criterion for the selection of the material was the thematic similitude of the speeches. However, the correlation of text units was complicated by inconsistency of speech formats, namely frequency of briefings (in Russia briefings are held weekly, while in the US they take place on a daily basis) and specifics of speech interaction (in Russian political tradition, the major part of the briefing is a monologue of the official representative of the Ministry of Foreign Affairs, while in the United States much more time is devoted to answering journalists' questions).

RESULTS

The undertaken comparative-typological description of verbal constructions, manifesting the framework of the most frequent communicative strategies and tactics within modern idiopolitical discursive acts, not only represents a certain model of the linguocultural structure in Russian and American political discourses (see Table), but it can also serve as a basis for creating a typed communicative portrait of a Russian/American politician. At the same time, comparing dominant features of certain communicative strategies and tactics in identical situations by persons performing similar social roles (according to their participation in political life) enables us to consider verbal communication in a certain social and psychological context as well as to reveal some general characteristics of Russian and American political discourses, determined by their unique structure, functions and other features of political communication as a whole.

DISCUSSION

Political discourse as a particular form of the institutional type of communication should (in contrast to the personal type) use a specific system of professionally oriented signs, that is, to have its own unique sublanguage (vocabulary, phraseology and paremiology). According to V.Z. Demyankov [9], the specificity of political language is conditioned by the following factors: frequent use of peculiar speech techniques; expanded thesaurus of precedent texts and utterances; terminological political vocabulary and marked linguistic signs (with respect to the ordinary language); individualized structure of political discourse, which is based on the original sounding or written form.

At the same time, a number of researchers deny the uniqueness and specificity of political discourse, emphasizing that its characteristic linguistic features are few in number and not easily identifiable, while its lexical and grammatical features, that allow researchers to consider political discourse as a specific phenomenon, “do not go beyond the corresponding languages” [10. P. 193].

Large-scale de-specialization in political communication is connected with the fact that politics is the only professional sphere, where communication is oriented toward a mass addressee. Political communication is not just mediated by the media, the media is the main medium of its existence. As a result, policy language is deprived of the corporate identity inherent in any specific language [4. P. 30]. Thus, P.B. Parshin does not consider the language of politics as a language itself, or at least not just a language. According to

him, the subject of political communication is a political discourse, defined as “the uniqueness of what, how, to whom and about what a subject of political action says” [10. P. 194], since the subject’s purpose is not simply “to describe (no reference), but to persuade the addressee by awakening his intentions, to give him ground for persuasion and induce him to act” [9. P. 118]. That is why the effectiveness of political discourse is conditioned by adequate planning of subject’s communicative behaviour and skilful implementation of this plan by using various speech strategies and tactics that actualize the natural potential of the language on the intellectual, emotional and volitional sphere of the addressee.

The tools of communicative strategies and tactics (hereinafter referred to as CS and CT, respectively) presented in political linguistics, despite academic unanimity concerning the main function of political interaction, are variable. Researchers identify veiling CS, depersonalizing CS and mystifying CS [2]; reificating CS, delegitimizing CS and amalgamating CS (the so-called «we»-discourse) [11]; varying, additive and introductory CS [12]; various invective CS [13; 14]; argumentative and manipulative CS [15], etc.

Undoubtedly, the classification of verbal constructions that manifest various CSs can be based on any of an impressive number of criteria (or several of them) which are clearly identified as categorical attributes of imperative and political acts. These are the mechanisms of organization; linguistic level of structural components; frequency of implementation of particular verbal units; intonation conditionality of their semantic plan; genre and composition of discourse practice; the number of objects in the act of communication (mass or individual orientation), etc. However, from our point of view, it is necessary to designate the factor of author’s awareness, or reflexivity, of building and usage of an appraisal-manipulative language construction as a basic attribute, as in this case we are dealing with a strictly organized illocutionary act actualizing certain intentions.

In this regard to build a taxonomy as a basic antinomy, the fundamental pragmatic ground common for the political sphere as a whole, namely the communicants’ endeavour to cooperate¹, has been embraced. This has resulted in the division of all CSs into **integrative** and **disintegrative**, in the framework of which communicative tactics have been grouped thematically, i.e. in accordance with the communicative goal they pursue. The framework of integrative strategies includes 6 CSs (strategy of politeness, strategy of cooperation, strategy of argumentation, strategy of compromise, strategy of emotional alignment and strategy of information). The framework of disintegrative strategies counts 5 CSs (strategy of control over initiative, strategy of self-presentation, motivating strategy, manipulative and confrontational strategies). The total number of communicative tactics includes 55 units (27 and 28 CTs respectively, see Table 1).

The proposed classification has become the basis for the linguopragmatic analysis of verbal formulas² that comprise the idiolitical discourse of modern foreign policy.

¹ In this regard we agree with I. Pevneva [16].

² The scope of this article does not allow us to give examples of the implementation of all CT, so we presented those most frequently features in the speeches of M. Zakharova and J. Kirby.

Integrative CSs

1. CS of politeness:

— CT of apology:

MZ¹ — «*Once again begging your pardon for lyrical digression*»; «*I am sorry for being this meticulous, but this is highly important*»;

JK — no examples.

— CT of gratitude:

MZ — «*We are very grateful for this and totally understand that accomplishing this psychological and professional feat you basically count on protection from the foreign policy department*»;

JK — no examples.

2. CS of emotional alignment:

— CT of compliment:

MZ — «*He is an outstanding ambassador and a person, who not only for his duty, but also for the human sake cares for the Russian-Armenian relations and their further development in the interests of the people in both countries*»;

JK — «*... to provide a more secure environment for all of its citizens, one that nurtures the spirit of the people of Bangladesh and the pride with which they guard their own traditions of tolerance, peace, and diversity*».

— CT of compassion:

MZ — «*I express my deep condolences to the countries and people directly affected by this tragedy*»;

JK — «*We share in the grief that they have had to endure*».

3. CS of cooperation:

— CT of participation display:

MZ — «*The issue of possible medical evacuation is being worked through between Russian and Egyptian specialists. Their decision will determine the exact time the girl returns to Russia. The work is under way*»;

JK — «*That is exactly the message that the Secretary sends when he speaks to foreign leaders about freedom of expression issues and press freedom issues*».

— CT of proposing a solution:

MZ — «*We are convinced that the movement towards peace and stability in Northeast Asia should be of a reciprocal and mutual nature and be carried out with the active participation of all parties present in the region. This approach, as we have repeatedly said, would create conditions for the normalization of the DPRK's bilateral relations with China, the United States and Japan and initiate practical work on the formation of multilateral mechanisms for ensuring security and cooperation in this region on an equal and non-discriminatory basis for all participants*»;

JK — «*... good governance. We've said that many, many times. That's the way to sustain a defeat of Daesh*».

¹ Hereinafter: MZ — statements by Maria Zakharova (quotes given in [17; 18]); JK — John Kirby, (quotes given in [19–21]).

— CT of proposing cooperation:

MZ — «*The Russian side is invariably ready for the closest interaction with all interested states in the interests of ensuring peace and stability in this region, achieving a political and diplomatic settlement of the nuclear problem on the Korean Peninsula*»;

JK — no examples.

4. CS of information:

— CT of a direct answer:

MZ — «*No, I couldn't*»;

JK — «*So if you're asking me can they, absolutely they can*».

— CT of causation:

MZ — «*The delays in the movement of the UN convoys are mostly caused by shelling by illegal armed groups and the fear in this regard for the lives of UN personnel*»;

JK — «*... we also ... know that Iran is a state sponsor of terrorism and that they have continued to support this particular group which is a designated foreign terrorist organization. And that is exactly why ... he raised very specifically our continued concerns about what Iran is doing in the region*».

— CT of informing:

MZ — «*On May 12, terrorists from Jabhat al-Nusra and its allied forces attacked the Alawi village of Zara in the province of Khama. Perhaps you know that they staged mass slaughter, sparing no children, women or old people. According to various reports, from 70 to 100 civilians were killed or tortured to death in Zara. Many women and young girls were kidnapped or taken to slavery*»;

JK — «*The U.S. and our coalition partners conducted another 59 airstrikes and six artillery strikes against Daesh targets in northern Iraq and Anbar province just over this weekend*».

— CT of redirection:

MZ — «*... it is available on the official website of the Russian Foreign Ministry*»;

JK — «*That's really for Prime Minister Modi and his staff to speak to*».

5. CS of compromise:

— CT of compliance:

MZ — «*As you correctly said about the essence of the meeting, it is about continuing the discussion of the issue that is on the agenda of bilateral relations*»;

JK — «*I recognize that*»; «*We fully agree*».

— CT of a compromise answer:

MZ — no examples;

JK — «*I would just say that I don't think you're going to see the Secretary — the Secretary's interest or energy diminished at all for as long as he is Secretary of State with respect to trying to get to a two-state solution*».

6. CS of argumentation:

— CT of generalization:

MZ — «*...we and the whole world are certainly involved in what is happening in Ukraine now*»;

JK — «*It's that important to us. It's that important to the region, certainly to many other nations around the world*».

— CT of drawing an analogy:

MZ — «*On the example of a number of countries we can see, how difficult it is to restore the situation and bring it to the previous level if mutual trust has been undermined*»;

JK — «*And look, I mean, even here in the United States there's political tensions, right?*»

— CT of example:

MZ — «*... a large conference has been convened in Moscow*»; «*... for example, European institutions*»;

JK — «*... you remember back when the cessation was first agreed to after Munich, we saw a dramatic decrease in attacks on civilians and on the opposition*».

— CT of opposition:

MZ — «*Suffice it to recall for how many years we've been convinced that the accession to NATO of the states of Eastern Europe and the Baltics will improve our bilateral relations, relieve them of the phobias of the "heavy historical heritage" and create the "belt" of countries friendly to Russia in the alliance. In fact, however, the expansion of the bloc only aggravated the syndrome of "front-line states"*»;

JK — no examples.

— CT of reference to an authority:

MZ — «*Official representatives dealing with issues of military-technical cooperation (MTC) gave clear and absolutely exhaustive formulations*»;

JK — «*And then I'd point you back to what the President said during his visit to India in 2015, where he reaffirmed that the U.S. view was that India, quote, "meets missile technology control regime requirements and is ready for NSG membership"*».

— CT of describing positive prospects:

MZ — «*This will allow the newly formed unified bodies of state power to start functioning in full, that is to begin restoring order and law in the country, and first of all to neutralize the activity of terrorists who are present in large numbers in Libya*»;

JK — «*... the members of the ISSG would work together and in unison to help create the conditions for which — or under which those airdrops can be successful*».

Desintegrative CSs

1. Manipulative CS:

— CT of shifting focus of a:

MZ — «*Let me please reformulate your question a little and answer how we generally see the settlement of Nagorno-Karabakh issue*»;

JK — «*These are decisions that the — this is a French initiative and decisions that the French are making*».

— CT of denial:

MZ — «*You are very much mistaken when you say this is not a problem. Problems arise here, too*»;

JK — «*I know we don't believe that Pakistan hates the United States. Pakistan is a partner here in the effort to go after extremists there in the region*».

— CT of absolutisation:

MZ — no examples;

JK — «*... nobody's arguing that the political process hasn't struggled*».

— CT of assessment:

MZ — «*We can state that it is gratifying that the alarming forecasts of possible violations of the UN Security Council resolutions by the DPRK during the Seventh Congress of the Korean Workers' Party have not been justified*»;

JK — «*It was a positive meeting and a step in the right direction*»; «*And they do that job masterfully and very competently*».

2. Confrontational CS:

— CT of remark:

MZ — «*We believe that unreasonable and politically biased criticism of Russia does not correspond to the UN level*»; «*Unfortunately, you were inattentive while reading what Russian Foreign Minister Sergey Lavrov said in an interview to the Swedish newspaper "Dagens Nyheter"*»;

JK — «*... it hasn't always been evident that they have been willing to use that influence in the most constructive way*».

— CT of reproach:

MZ — «*All these years OHCHR preferred to ignore the recommendations and comments in this regard by numerous international human rights structures and institutions*»; «*You should know that this city was not named Dnieper, but Ekaterinoslav*»;

JK — no examples.

— CT of condemnation:

MZ — «*According to them, today Ankara "shows the whole world an example of how to treat refugees" (but you know, this is not the way refugees should be treated) and "opens up new opportunities and new prospects for them". No one would desire such prospect*»;

JK — «*... the United States strongly condemns the barbaric terrorist attacks in Iraq today that deliberately and specifically targeted civilians*».

— CT of accusation:

MZ — «*In fact, Ankara confirmed its unwillingness to take part of the blame for what has happened, given that it was Ankara's treacherous and vile actions that led to the downing of the aircraft and thereby caused the death of a Russian pilot*»;

JK — «*And it is in keeping with what we've seen as a pattern out of the regime to target innocent people*».

— CT of threat:

MZ — no examples;

JK — «*... there's going to be a limit to the international community's patience for persistent and consistent violations of the cessation*».

— CT of mockery:

MZ — «*It is necessary to know this, otherwise you just look stupid and seem to be some kind of "zombie ignoramus"*»; «*Honestly, after these decisions, which are absolutely divorced from historical realities, I started worrying for the possibility of shortening other names as well, like Kherson, Zaporozhye and Saakashvili*»;

JK — no examples.

— CT of irony:

MZ — «*After all, these deputies, as they call themselves...* »; «*...let's call it "the new Ukrainian democracy"*»;

JK — no examples.

— CT of sarcasm:

MZ — «*That means that there was no problem of the Crimean-Tatar people for 20 years. It just appeared now*»; «*What is the essence of the question? When journalists talk about the Mirotvorets website, it seems to me it is time for all of us to start adding at least “the so-called” to the title “Mirotvorets”*»;

JK — no examples.

3. CS of control over initiative:

— CT of choosing a speech object:

MZ — «*Let us start with something really important*»; «*Let me please make a digression*»;

JK — «*Are we on Syria? I want to stay on Syria right now*».

— CT of refusal to act:

MZ — «*We can not speak about this in full since we are talking about personal data and moreover about a child*»;

JK — «*... I'm really not at liberty to discuss this*».

— CT of setting up and maintaining the contact:

MZ — «*I am ready to answer all your questions, if you have any*»; «*Yes, please*»;

JK — «*Happy Friday!*»; «*I'm in favor of it*».

— CT of ceasing the contact:

MZ — «*See you in Sochi*»;

JK — «*Gotta go, thank you*».

4. CS of self-presentation:

— CT of competence display:

MZ — «*We know that elections have been held in Taiwan and tomorrow the inauguration ceremony of the new leaders of the local administration takes place*»;

JK — «*I've seen reporting on that*»; «*I'm aware...*».

— CT of positive characterization:

MZ — «*We act openly. The main features of the Russian approach are openness and logics*»; «*We do not approach this issue from the standpoint of double standards and justify our position in either case*»;

JK — no examples.

— CT of self-praise:

MZ — no examples;

JK — «*I say this as not just the spokesman for the department, but the assistant secretary of state for public affairs*».

5. Motivating CS:

— CT of advice:

MZ — «*We highly recommend you to make them public, because it is extremely important*»;

JK — no examples.

— CT of appeal:

MZ — «*In the light of the catastrophic consequences of the military operation for the population, once again we call upon the official Ankara to return to peaceful methods of settling the Kurdish question as soon as possible*»;

JK — «*... any reconciled group must end the violence, break associations with international terrorism, and accept Afghanistan's constitution*»;

— CT of demand:

MZ — «*We also strongly demand and actively work in the direction of blocking the remaining funding channels for these groups*»;

JK — no examples.

This linguo-pragmatic analysis allows us to formulate a number of statements describing the general and specific features of political discursive practices in the Russian-speaking and English-speaking (American) linguistic cultures (see Table). Thus, the identifying features are the variety of CTs used within each CS; apparent diversity of the integrative CS of argumentation (6 CTs) and disintegrative CS of confrontation (8 CTs); subjects' tendency to use CT of reference to an authority (CS of argumentation) and CT of causation (CS of information). At the same time, despite a highly correlated systemic structure, there are certain tactical and strategic preferences of the «speech framing» within communication acts. In J. Kirby's speeches, the manipulative CS is represented by a large number of CTs (compared with M. Zakharova's, whose statements lack CT of absolutisation); CT of redirection (CS of information) and CT of refusal to act (CS of control over initiative) are characterized by frequent usage of appropriate verbal structures; speech formulas of CT of gratitude and CT of apology (CS of politeness) haven't been revealed, but CT of self-praise is clearly identified as a type of CS of self-presentation¹ (this CT is absent from Russian Ministry of Foreign Affairs representative).

M. Zakharova's statements, on the contrary, comprise a greater variety of CTs within motivating CS (CT of advice and CT of demand, which are not used by J. Kirby); CS of argumentation includes CT of opposition (as a "soft option" to underline the correctness of ideological views of the Russian Foreign Ministry); the CS of cooperation is more extensive in its verbal embodiment and is also underpinned by the use of CT of proposing cooperation, which is absent from the speeches made by the representative of the US Department of State.

The most interesting (and significant for the comparative description) is the apparent discrepancy in the ways of exemplification of the confrontational CS. The statements by the official representative of the Russian Ministry of Foreign Affairs include 7 different CTs with graduated types of verbal acuity (an open mockery, an ironic remark and acrimonious sarcasm while CT of threat is not used), whereas J. Kirby's speeches frequently comprise CT of condemnation, CT of accusation, CT of threat and no CT of reproach or mockery. Obviously, the identical name of this CS (as, indeed, of any other communicative strategy) does not indicate its identical semasiological embodiment in different political discursive practices. Accordingly, the entire framework of integrative and disintegrative communicative strategies and tactics correlates, in varying degrees, with ethnic and mental attitudes of the universe and can't be interpreted in a single political coordinate system. Besides, only identification and description of the essential features of linguistic and ethno-cultural dominants in diverse political acts can make it possible to determine the stable, in-depth characteristics of discursive interaction within the political institution in the modern multilingual space.

¹ The US Department of State representative uses this CT not only to praise his country, but also for self-assessment that violates the conditions of communications.

REFERENCE

- [1] Baranov A.N., Kazakevich Y.G. Parliamentary debates: traditions and innovations. Moscow: Znaniye, 1991. 42 p. (In Russ.)
- [2] Sheigal Y.I. Semiotics of the political discourse. Volgograd: Peremena, 2000. 386 p. (In Russ.)
- [3] Sorokin Y.A. Political discourse: attempt to interpret the concept. Political discourse in Russia. Moscow, 1997. (In Russ.)
- [4] Sheigal Y.I. Semiotics of the political discourse: thesis for a degree of Doctor of Philology. Volgograd, 2001. 175 p. (In Russ.)
- [5] Zheltukhina M.R. Voluntative function of the comic in political discourse. Linguistic personality: institutional and personal discourse. Volgograd: Peremena, 2000. P. 71–79. (In Russ.)
- [6] Parshina O.N. Strategies and tactics of speech conduct of the Russian political elite: thesis for a degree of Doctor of Philology. Saratov, 2005. 315 p. (In Russ.)
- [7] Graber D. Political Languages. Handbook of Political Communication. Beverly Hills, London: Sage Publications, 1981. P. 195–224.
- [8] Sternin I.A. Social factors and political discourse. Mass culture on the edge of XX–XXI centuries: Human and his discourse. Moscow: Azbukovnik, 2003. P. 91–108. (In Russ.)
- [9] Demyanenko V.Z. Interpretation of political discourse in mass media. The language of mass media as an object of interdisciplinary research. Moscow: Izdatelstvo MGU, 2001. P. 116–133. (In Russ.)
- [10] Parshin P.B. Research practice, concept and methods of political linguistics. Scripta linguisticae applicatae. Problems of applied linguistics. Institute Yazykoznaniya RAN. Moscow: Azbukovnik, 2001. P. 181–207. (In Russ.)
- [11] Felinski A.A. Critical analysis of political discourse of election campaigns 1999–2000: abstract from the thesis for the degree of Candidate of Philology. Tver, 2002. 20 p. (In Russ.)
- [12] Ivanova Y.M. Strategies of speech impact in the genre of pre-election debates: abstract from the thesis for the degree of Candidate of Philology. Volgograd, 2003. 19 p. (In Russ.)
- [13] Bozhenkova N.A. The issue of category units in contemporary political logosphere. The Russian language and culture: problems of teaching in Russian universities: materials of the scientific and practical seminar. Kursk, 2008. P. 4–9. (In Russ.)
- [14] Issers O.S. What politic figures say to endear themselves to the people // Vestnik Omskogo universiteta. Omsk, 1996. Vol. 1 P. 71–74. (In Russ.)
- [15] Gaikova O.V. Election discourse as a genre of political communication (on the basis of the English language): abstract from the thesis for the degree of Candidate of Philology. Volgograd, 2003. 19 p. (In Russ.)
- [16] Pevneva I.V. Communicative strategies and tactics in conflict situations in common and professional pedagogical discourses in Russian and American linguistic cultures: thesis for the degree of Candidate of Philology Kemerovo, 2008. 206 p. (In Russ.)
- [17] Maria Zakharova, the Russian Ministry of Foreign Affairs official spokesperson. Briefing. 12. May 2016, Moscow [Digital resource]. Ministry of Foreign Affairs of Russia. Access mode: http://www.mid.ru/press_service/spokesman/briefings//asset_publisher/D2wHaWMCU6Od/content/id/2276895
- [18] Maria Zakharova, the Russian Ministry of Foreign Affairs official spokesperson. Briefing. 19. May 2016, Sochi [Digital resource]. Ministry of Foreign Affairs of Russia. Access mode: http://www.mid.ru/press_service/spokesman/briefings//asset_publisher/D2wHaWMCU6Od/content/id/2287934
- [19] John Kirby, Spokesperson, Daily Press Briefing, Washington, DC, May 2, 2016 [Digital resource]. U.S. Department of State. Access mode: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/05/256786.htm>
- [20] John Kirby, Spokesperson, Daily Press Briefing, Washington, DC, May 13, 2016 [Digital resource]. U.S. Department of State. Access mode: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/05/257185.htm>

- [21] John Kirby, Spokesperson, Daily Press Briefing, Washington, DC, May 17, 2016 [Digital resource]. U.S. Department of State. Access mode: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/05/257315.htm>

© Bozhenkova N.A., Bozhenkova R.K., Bozhenkova A.M., 2017

Article history:

Received: 15.03.2017

Accepted: 02.04.2017

For citation:

Bozhenkova N.A., Bozhenkova R.K., Bozhenkova A.M. (2017) Modern political discourse: verbal exemplification of tactical and strategic preferences. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 15 (3), 255—284. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-3-255-284

Bio Note:

Raisa K. Bozhenkova, Ph.D. in Philology, Distinguished Professor, Professor at the Department of the Russian Language, Bauman Moscow State Technical University. *Fields of research*: linguoculturology, general discourse theory, linguistic hermeneutics, semantics, cross-cultural communication, phonetics and accentology, stylistics, rhetoric, Russian speech culture, linguistic and methodological aspects of Russian as a Foreign Language. Professor Bozhenkova has authored over 300 scientific publications. *Contact information*: e-mail: rkbozhenkova@mail.ru

Natalia A. Bozhenkova, Ph.D. in Philology, Distinguished Professor, Professor at the Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute. *Fields of research*: text linguistics, general discourse theory, psycholinguistics, linguoculturology, political linguistics, social linguistics and cross-cultural communication, stylistics, rhetoric, Russian speech culture, linguistic and methodological aspects of the Russian Language in a foreign society, linguistic and methodological aspects of the Russian Language and Literature in the Russian society. Professor Bozhenkova has authored over 350 scientific publications. *Contact information*: e-mail: natalyach@mail.ru

Alexandra M. Bozhenkova, Master of Arts, Graduate student, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. *Fields of research*: political linguistics, linguoculturology, cross-cultural communication, translation, interpretation and correlating studies. A.M. Bozhenkova is the author of 20 scientific publications. *Contact information*: e-mail: alexandra2911@mail.ru